

ЗАПИСКИ КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

**АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик**

ТОМ IV

**ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР**

1930

решений по тому или иному вопросу», я не знаю, как и понять, ибо именно резкость и определенность суждений составляет основу проповеди Конфуция, приуроченной к Чунь-цю и встречающейся в Лунь-юе и других классиках. Ведь, если бы лектор был прав, и если бы «уклончивые ответы Конфуция позволяли толковать их так, как это желательно каждому, оставляя самый широкий простор в этом отношении», то очень странными могли бы показаться слова Мын-цзы: «В древности Юй смирил бушующие воды потопа, и вся страна пришла в великий мир. Чжоу-граф присоединил к династии и ее культуре варваров, собак И и Ди, прогнал диких зверей — и весь народ наслаждался покоем. Кун-цзы закончил Чунь-цю, и мятежные министры-разбойники были в испуге». Конечно, с точки зрения проф. Кюнера, это может быть слишком специфически китайским суждением, недостойным европейского исследователя, но это — абсолютная традиция, и не принимать ее — значит не воспринимать конфуцианства во всех его основах и постулатах.

Вообще, весь отдел о классиках, и в особенности ответственные главы с боковиками, в роде «Характеристика Конфуция, Мэн-цзы и др.» я желал бы увидеть в руководстве для студентов более обоснованными и удаленными от традиционного скепсиса, идущего от В. П. Васильева и его школы.

Что до историков, то и тут не мало промахов, легко исправимых по любому каталогу и справочнику. Так, утверждение лектора, что культурно-исторические обзоры типа па (надо: ба) шу (у Сыма Цяня) не привились дальше следующего за Сыма историка Бань Гу, неверно, ибо эти ч ж и есть и в истории «Младших» Ханей, и в историях Цзинь, Сун, Нань Ци и др.

Есть и мелочи, которые следовало бы исправить. Так, фамилия историка Сыма Цяню была не Сы, а Сыма; английский синолог был Лэг, а не Легге, и т. д.

Приветствуя еще раз труд почтенного историка Востока и считая его совершенно своевременным и необходимым, я хотел бы, чтобы мои возражения способствовали дальнейшему усовершенствованию следующих выпусков «Лекций», которые теперь, с появлением вышеуказанных превосходных синтезов китайской культуры, могут в них найти себе подкрепление и утверждение.

В. Алексеев.

58. M. Rostovtzeff. Professeur à l'Université de Madison (Wisconsin). L'Art Gréco-Sarmate et l'art Chinois de l'époque des Han. — Extrait de l'Aréthuse, Avril 1924, fasc. 3. — Стр. 14 + 4 табл.

Эта интереснейшая статья является непосредственным дополнением к английской книге того же автора об иранцах и греках на юге России (M. Rostovtzeff. *Iranians and Greeks in South Russia*, Oxford 1922, p. 197 sq.). С большим усердием, хотя, на наш взгляд, слишком односторонним, доказывает ученый автор, что греко-сарматское искусство, с одной стороны, и китайское — с другой, получив свое начало где-то в Средней Азии, развились в совершенно отличные системы Европы и Китая. Материалом для суждений является тема грифа-орла, нападающего на животных, трактуемая с большим сходством обеими ветвями человеческого искусства. В статье много темпераментной убедительности, значительно превосходящей, кажется, ясное чтение орнамента. Китайский материал воспроизведен недостаточно, как в объеме так и качественно. Автор, работавший при содействии такого выдающегося археолога-китаиста, как американский музейный деятель Лауфер, мог бы привлечь гораздо более интересные и показательные темы китайских, хотя бы, например, амулетных композиций, где борьба драконов, тигров и др. животных доселе не освещена наукой, как и многое прочее. В этой области работа синтезирующего ума, типа автора разбираемой статьи, может принести чрезвычайную пользу, вызволяя случайные работы случайных китаистов из маразма безграмотных описаний. Но для этого надо как следует знать литературу вопроса и не обходить, например, молчанием знаменитый альбом Шаванна (*Mission Archéologique dans la Chine Septentrionale*), не говоря уже о прочих вещах, быстро восполняющих скудость репродукций столь ответственной статьи, оперирующей слишком узким, в отношении к размаху обобщений, материалом. **В. А.**

59. Arthur Waley. *The Temple and other poems*, translated by... With an introductory essay on early Chinese poetry, and an Appendix on the development of different metrical forms. London, 1923. George Allen and Unwin Ltd., мал. 8°. Стр. 151.

Знакомство одних европейцев и ознакомление ими других с произведениями китайской литературы происходило по осторожному принципу угождения читателю не-специалисту. Вот почему мы имеем в переводах Джайлза, Форкэ, Грубэ, д'Эрвэ Сэн-Дни фальсификаты китаизмов, превращенных, чаще всего неумело, в более чем посредственные европеизмы. Однако, на этом дело не останавливалось. Появлялись фальсификаторы низшей пробы, которые, переводя с переводов, сглаживали окончательно весь оригинальный ворс произведений, и получалось, таким образом, нечто убогое с точки

*